

общей беды и общенародной драмы такие разные по генезису своему, по поэтике мастера, как А. А. Ахматова, С. А. Клычков, Н. А. Клюев, О. Э. Мандельштам.

Одной из важнейших «сквозных тем» конференции стала полемика с довольно распространенным все еще представлением о сугубой камерности ахматовской лирики. Не удивительно, что в центре внимания многих выступающих оказались «Реквием» и не в меньшей мере трагическая лирика 1920—1940-х годов. С. С. Лесневский отметил, что уже в облике юной Ахматовой, «Музы Царского Села», были заложены черты, позволившие ей стать большим трагическим поэтом России, что залогом полноты осуществления Ахматовой стала широта ее творческих истоков, сочетание евангельского и библейского начал с фольклорным. «Между словом и молчанием была в эти годы Ахматова, между словом и молчанием она умела извлекать звуки такой чистоты и частоты, каких до нее извлекать никто не мог», — сказала И. И. Ростовцева в своем докладе, также посвященном «Реквиему». О трагическом характере и глубинном историзме ахматовской лирики 1930—1940-х годов, о творческой близости цикла «В сороковом году» (1940), «Предыстории» (1943) и тех ахматовских стихов, что приходят к читателю лишь сегодня, говорил д-р филол. наук М. Ф. Пьяных (Ленинград). С этой темой были тесно связаны и размышления канд. филол. наук В. Г. Воздвиженского о теме поколения в творчестве Ахматовой, о сочетании «я» и «мы» в ее зрелой лирике, об остром чувстве времени, присутствующем поэту. (Вообще, необходимо отметить, что формула К. И. Чуковского «Ахматова — мастер исторической живописи» звучала на конференции очень часто.)

Эпические мотивы в творчестве Ахматовой, фольклорные начала в ее стихах, феномен сочетания в них индивидуально- неповторимого бытия с общесторическим стал предметом анализа не только на «макро», но и на «микроуровне», причем анализ ахматовской поэтики подтверждал и дополнял выводы литературной критики. Доктор филол. наук М. Л. Гаспаров в докладе «Эволюция стиха Ахматовой» отметил, что творчество поэта не только делится на два периода, как и принято считать (1909—1922 и 1935—1966 гг.), но и каждый из этих периодов, в свою очередь, распадается на два — 1909—1913, 1913—1922, 1935—1946, 1956—1966 гг., причем между этими периодами не только пролегают явные биографические рубежи — каждому из них сопутствуют новые тенденции в поэтике. М. Л. Гаспаров отметил, что уже в лирике 1913—1922 гг. тяготение автора к фольклору выявляется и на уровне поэтики, а сочетание фольклорной и высокосторической интонаций напоминает о Н. А. Некрасове. Анализ метрики позволяет увидеть, сколь близок по размерам и интонации к некрасов-

ской традиции «Реквием». М. Л. Гаспаров отметил также инерцию парадного четырехстопного ямба цикла «Слава миру» (1950) в поздней лирике поэта.

О специфических формах ориентации ранней ахматовской поэзии на русскую психологическую прозу XIX в. говорила на конференции канд. филол. наук Д. М. Магомедова. Она указала, что на смену «сюжетной прозаизации» поэзии, традиции которой идет от Н. А. Некрасова к К. К. Случевскому и А. Н. Апухтину, в лирике И. Ф. Анненского и в особенности А. А. Ахматовой возникает новая форма прозаизации, «романизации лирики»: преобразование сюжетного эпизода в лирический фрагмент, где, в частности, бытовая обстановка не воссоздается, а замещается одной-двумя деталями, несущими в контексте стихотворения огромную смысловую нагрузку. Д. М. Магомедова отметила также освоение романной ситуации разворочия в ранней ахматовской лирике.

Кандидат филол. наук О. А. Клинг говорил о том, что родоначальником мифа о камерности ахматовской лирики стал В. Я. Брюсов, однако анализ ранней поэзии А. А. Ахматовой позволяет увидеть проявление эпических начал уже в некоторых стихотворениях книги «Вечер» (1912). О. А. Клинг подробно проанализировал стихотворение «И когда друг друга проклинали» (1909). О раннем интересе А. А. Ахматовой к эпическим жанрам говорила и д-р Х. Лонго-Пессина (Италия), чей доклад был посвящен поэме «У самого моря» (1914).

В определенной степени Д. М. Магомедовой возражал канд. филол. наук В. Б. Мусатов (Ленинград), заметивший, что, с его точки зрения, ранняя лирика А. А. Ахматовой не романоцентрична, а драматична, в большинстве ее стихотворений 1910-х годов есть драматическая коллизия. В. Б. Мусатов говорил также о влиянии на Анну Ахматову концепции «философии трагедии», столь значимой для русского «серебряного века», отметил, что первыми в лирику эту концепцию ввели старшие современники Ахматовой, имевшие влияние на ее творчество, — И. Ф. Анненский и В. И. Иванов. В докладе В. Б. Мусатова прозвучала еще одна важная тема конференции, продолженная в сообщениях других участников: сопоставление символизма и акмеизма как двух поэтик, двух систем эстетических и философских ценностей, двух способов миропонимания.

Кандидат филол. наук Е. В. Ермилова рассматривала «противительное родство» символизма и акмеизма на примере позднего творчества М. А. Кузмина и А. А. Ахматовой. Е. В. Ермилова указала на целый «пласт» реминисценций из статей С. М. Городецкого и О. Э. Мандельштама в поэме М. А. Кузмина «Ферель разбивает лед», причем цитация эта носит полемический характер, что, вероятно, повлияло на замысел ахматов-